

политика – активную деятельность правительства в рамках данной проблемы, а идеологема *национализм* дает отрицательную оценку национальным конфликтам, сравнивая их с пороком. Следовательно, идеологема могут положительно влиять на нас, делая более толерантными, а могут вводить в заблуждение, навязывая ложное восприятие действительности.

Список литературы

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.

СОПОСТАВЛЕНИЕ РАЗУМА И СЕРДЦА В АФОРИСТИКЕ ДНЕВНИКОВ СВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО 1856-1858 ГГ.

А.А. Панова

*Научный руководитель: Л.Б. Савенкова,
доктор филологических наук, профессор (ЮФУ)*

Материалом для исследования послужила выборка из дневников Иоанна Кронштадтского 1856-1858 гг. общим объемом в 480 страниц, включающая 982 афоризма. Под афоризмом в настоящей работе понимается «краткое (преимущественно в рамках одной синтаксически завершенной единицы) словесно-художественное произведение конкретного автора, выражающее законченную мысль, претендующую на общезначимость и оригинальность формы и содержания» [Калашникова 2003: 23]. Было обнаружено 64 афоризма, в которых затрагивалась проблема соотношения сердечного и разумного в человеке.

По мнению Иоанна Кронштадтского, одним из самых важных в жизни человека является не противопоставление этих двух начал, а сохранение их в должном состоянии: сердца – в чистоте, а разума – в ясности, что нашло свое отражение в 24 афоризмах. Обратимся к рассмотрению примеров, демонстрирующих мысли о. Иоанна о необходимости соблюдения сердечной чистоты (17 единиц из 24): *Бди над своим сердцем и держи его всегда на узде* [Кронштадтский 2002: 191]; *Тяжесть твоя на сердце – это нечистота сердечная; смыть ее нужно без промедления* [Кронштадтский 2002: 300]; *Сначала очисти сердце, а потом старайся прививать к нему веру, надежду и любовь* [Кронштадтский 2002: 282]; *Всего больше старайся, человек, об исправлении, о чистоте своего сердца: сердце – самое главное, душа в*

человеке [Кронштадтский 2002: 203]. Прежде всего, необходимо отметить, что первое, на что обращено внимание автора дневниковых записей, – это сама необходимость постоянного наблюдения за своим душевным состоянием (иначе – за сердцем). Как видно из приведенных примеров, главная задача человека заключается в сохранении *чистоты* своего сердца, т.е. в сохранении нравственности. Очевидно, под *чистотой* понимается не только отсутствие греховных привязанностей, но и содержание своего сердца в постоянной строгости (*держи его всегда на узде*), т.е. недопущение разнузданности, чрезмерного увлечения чувственными наслаждениями и т.д. Однако необходимо учитывать, что, несмотря на то что сентенции, обнаруженные в дневниках о. Иоанна, носят универсальный характер и могут быть адресованы любому человеку, они все-таки обращены автором дневниковых записей прежде всего к нему самому, что, вероятно, объясняет призывы к соблюдению строгости по отношению к себе, так как аскетизм является одной из составляющих образа жизни православных религиозных деятелей.

Вопрос о главенстве сердечного, душевного начала поднимается в последнем афоризме, в котором подчеркивается, что *сердце* является синонимом *души* (такая параллель обнаруживается в 6 афоризмах). Таким образом, основной акцент ставится на сохранении чистоты, а не на первостепенном значении сердца, поскольку таковым оно признается священнослужителем априори. Кроме того, в данных афоризмах используется императив, подчеркивающий жесткую позицию автора записей по отношению к данному положению, что отражается в использовании таких глаголов, как *бди, старайся, очисти*.

В надлежащем состоянии, обозначаемом о. Иоанном как ясность и светлость, необходимо сохранять и разум, чему посвящено 7 афоризмов из 24, в которых отражена необходимость наблюдать за состоянием сердца и разума: *Старайся и о том, чтобы в голове твоей было всегда ясно, светло* [Кронштадтский 2002: 383]; *Старайся всегда иметь око ума светлым и не омрачай его темными страстями* [Кронштадтский 2002: 483]; *Приведи в спокойное состояние и мысль и сердце, пусть голова твоя будет светла, а сердце – чисто* [Кронштадтский 2002: 265]; *Будь мудр, как змея: береги свою голову и сердце* [Кронштадтский 2002: 144]. Стоит заметить, что в данных афоризмах говорится не только о разуме, но и о сердце, что, таким образом, способствует снятию остроты противопоставления этих двух начал, изначально свойственную религиозному дискурсу. Разум, традиционно считавшийся виновником многих человеческих прегрешений, становится на одну ступень с сердцем, что найдет свое отражение в идее единства этих двух начал, которая будет рассмотрена ниже. Примечательно, что разум человека подвергается тем

же опасностям, что чувственное начало, – страстям (*не омрачай его темными страстями*). Вероятно, это связано с тем, что в сознании Иоанна Кронштадтского именно страсти являются воплощением злого начала: фактически в текстах дневников о Иоанна 1856-1858 гг. *страсти* предстают синонимом таких традиционных для христианства понятий, как *грех* и *зло*. Данное наблюдение подтверждается тем, что обобщающие изречения о страстях образуют ядро афористики дневников священнослужителя за указанный период.

Несмотря на то что в большинстве афоризмов действительно снимается острое противопоставление разума и сердца, было обнаружено 13 единиц, в которых все-таки провозглашалось главенство духовного начала над разумным. Очевидно, традиция противопоставления этих двух начал в религиозном дискурсе XIX века была все еще достаточно сильной, поэтому не могла не повлиять на рефлексию духовных лиц. Рассмотрим афоризмы: *Сердце в человеке – главное. Человек зрит на лицо, Бог же на сердце (1 Цар. 16, 7)* [Кронштадтский 2002: 130]; *Когда сердце радуется, тогда и голова легка и светла, а когда сердце скорбит, тогда и в голове темно и тяжело* [Кронштадтский 2002: 204]; *Уверуйте сначала сердцем, и вы тогда уже уразумеете умом* [Кронштадтский 2002: 124]. В приведенных афоризмах утверждение о первостепенности чувственного начала над разумом носит как относительно жесткий, так и рекомендательный характер. В жесткой форме приоритет сердца устанавливается только в одном афоризме, в котором фигурирует прямое указание на его первостепенное значение при помощи определения *главное (Сердце в человеке – главное)*. В двух других афоризмах имеет место скорее рекомендация не ставить разум выше чувств. В примере *Когда сердце радуется...* указывается тот факт, что разум находится в зависимости от сердца, следовательно, необходимо прежде всего заботиться о надлежащем состоянии сердца, поскольку от него зависит состояние разума. В последнем афоризме подчеркивается сама последовательность познания мира – *сначала сердцем, а затем уразумеете умом*.

Первостепенность душевного для человека продиктована тем, что сердце (т.е. душа) является тем началом, с которым тесно связан феномен *веры*. Без души невозможно само существование религии. Наоборот, разуму человека присущи сомнения и необходимость подкрепить то или иное утверждение доказательствами, законами логики и т.п. Однако в случае с религией поиск доказательств представляется затруднительным уже хотя бы по той причине, что само желание доказать тот или иной постулат в христианстве считается грехом (например, греховным считается желание человека получить доказательства существования Бога,

поскольку в таком случае нивелируется значение веры, которая является основой религиозного вероучения).

В связи с этим рассмотрим следующие афоризмы: *Да будет всегда свет мой со мною и ум мой, поучительный вере, царем в голове* [Кронштадтский 2002: 73]; *Помни, что вера прямо верует, но не умозаключает; видит непосредственно, но не ищет, так сказать, оптических стекол для своего видения* [Кронштадтский 2002: 332]; *Тебе дан творческий ум, но есть дела и паче ума* [Кронштадтский 2002: 429]. В первом примере подчеркивается, что способность человека к рефлексии нельзя назвать чем-то второстепенным (*царь в голове*), однако при этом разум наделяется Иоанном Кронштадтским определением *поучительный вере*, что, исходя из всего изложенного, можно трактовать как демонстрацию зависимости разума от сердца. В афоризме *Помни, что вера...* приоритеты устанавливаются благодаря характеристике веры, которая *не умозаключает*. Исходя из данного замечания, следует исключительность веры состоит как раз в том, что она лишена возможности производить определенные операции ума и при этом *видит непосредственно*. Но повторим: однозначно утверждать, что разум, по мнению Иоанна Кронштадтского, является чем-то маловажным, второстепенным в жизни человека нельзя, поскольку интеллект в афористике дневников о. Иоанна характеризуется определениями, заключающими в себе положительную оценку (*царь в голове, творческий ум*).

Однако, кроме положительной оценки этих двух начал, в афористике дневников Иоанна Кронштадтского обнаруживается и отрицательная (11 единиц). Несмотря на то что сердце является духовным началом, оно может быть и губителем человека. Таковым оно становится в том случае, если не удалось держать его в чистоте (т.е. в надлежащем состоянии). Было обнаружено 7 афоризмов, демонстрирующих данное положение, ср.: *Извнутри бо от сердца исходят помышления злая (Мф. 15, 19)* [Кронштадтский 2002: 203]; *Наше сердце – точно как сырое дерево, пропитано оно беззаконием, как водою; и не диво, что огонь благодатный не горит в наших сердцах постоянным и ярким пламенем и только по временам воспламеняется – и опять скоро угасает* [Кронштадтский 2002: 70]; *Сердце, обремененное пищею и питием, бывает грубо, бесчувственно для молитвы и – в довершение несчастья – подвержено неверию* [Кронштадтский 2002: 140]. Приведенные примеры не только констатируют, что зло может идти от сердца человека, призванного сохранять в человеке нравственную чистоту (см. афоризм *Извнутри бо...*), но и демонстрируют причины, по которым сердце может погубить человека. Причины эти могут быть как нравственного, так и

физиологического характера (см. соответственно афоризмы *Наше сердце...* и *Сердце, обремененное пищею...*). По мнению о. Иоанна, сердце способно погубить человека в том случае, когда человек, в свою очередь, сам не сохранил его в чистоте, позволив ему быть *пропитанным беззаконием и обремененным пищею и питием*.

Примечательно, что, говоря о сердце как о враге, Иоанн Кронштадтский практически не создает страшных образов сердца-губителя: из семи афоризмов, в которых сердце фигурирует в указанной нами роли, только два строятся на образной основе. Причем отрицательный образ создается только в одном случае в афоризме *Наше сердце...*, в котором при помощи достаточно распространенного сравнения формируется образ сырого дерева, пропитанного водой и лишённого возможности гореть (т.е. сердце, пропитанное безнравственностью, не может зажечься огнем веры). Однако обратимся ко второму афоризму, в структуре которого есть образ: *Дрянное у меня сердшко, слабо, удобоподвижно, изменчиво. А ему нужно быть твердым и неподвижным, как наковальня* [Кронштадтский 2002: 93-94]. В данном примере сердце вроде бы наделяется отрицательной характеристикой: во-первых, оно даже не сердце, а *сердшко*, т.е. нечто маленькое, ничтожное; во-вторых, оно слабое, изменчивое и удобоподвижное, что отнюдь не выглядит перечнем положительных качеств. Обратим внимание на слово *удобоподвижно*. В христианском религиозном дискурсе вера базируется на таком качестве человеческого сердца, как твердость (имеется в виду твердость в вере), поэтому подвижность сердца, т.е. его нетвердое, шаткое положение, может способствовать развитию неверия, постепенного отхода от веры. Однако Иоанн Кронштадтский называет свое сердце не просто подвижным, в принципе подверженным малодушию, неверию, а *удобоподвижным*, т.е. его сердце способно впадать в неверие, отходя от веры уже потому только, что в какой-то момент легче отказаться от борьбы и сопротивления (другими словами, в данный момент так поступить удобнее).

Характеристика сердца в рассмотренном афоризме была бы отрицательной, если бы не образ, фигурирующий во второй части изречения: *сердцу нужно быть твердым и неподвижным, как наковальня*. Этот образ уничтожает негативное отношение к сердцу, оставляя в памяти лишь идею того, что духовное, нравственное начало в человеке должно быть его стержнем, и, таким образом, ему необходимо быть как *наковальня* – твердым, неподвижным. Следовательно, афоризм, в котором говорится о сердце, далеком от идеала (о *дрянном*, нехорошем сердце) в итоге отпечатывается в сознании не как отрицательный образ (как, например, *сырое дерево* из предыдущего примера), а как образ идеального

сердца-наковальни – *твердого* в вере и *неподвижного*, т.е. постоянного.

Погубить человека может и разум. В дневниках о. Иоанна обнаружено четыре афоризма, в которых нашло отражение отношение к разуму как врагу человека. Примечательно, что таких афоризмов оказалось меньше, чем тех, в которых губительным началом служило сердце (7 единиц), тогда как традиционно в христианском религиозном дискурсе опасным признавался именно интеллект человека. Обратимся к материалу: *Когда Бог говорит, тогда умствовать не время* [Кронштадтский 2002: 365]; *Не думай – и будешь спокоен* [Кронштадтский 2002: 306]; *Со своими познаниями мы больше круговращаемся на одном и том же месте над теми же предметами, как в игре в шахматы или в карты* [Кронштадтский 2002: 402]. В первом примере указывается на то, что умственные процессы бывают неуместными в решении некоторых вопросов, в данном случае, очевидно, имеются в виду извечные попытки человека разумом проверить истинность религиозного вероучения (см. афоризм *Когда Бог говорит...*), признаваемые в христианстве греховными. Второй афоризм стоит понимать намного шире: не только как призыв избегать вмешательства интеллекта в сферу религиозных вопросов, но и как предупреждение людям, склонным к мнительности, т.е. к чрезмерному погружению в обдумывание той или иной ситуации, что зачастую приводит не к верному ее пониманию, а, наоборот, к еще большему запутыванию и потере спокойствия.

Представляется достойным отдельного рассмотрения афоризм *Со своими познаниями....* По мнению о. Иоанна, разум способствует тому, что человек не движется вперед, а, наоборот, стоит на месте. Такое понимание роли интеллекта выглядит парадоксальным по сравнению с представлением разума как двигателя прогресса и, соответственно, развития человека. Однако очевидно, что Иоанн Кронштадтский не рассматривал прогресс как нечто положительное, что было свойственно религиозному дискурсу вообще (отношение к развитию науки и техники изменится только в религиозном дискурсе конца XX века). Как негативное о. Иоанн рассматривал стремление человека проникнуть в суть предметов, приводящее, по мнению священнослужителя, к тому, что *мы больше круговращаемся на одном и том же месте над теми же предметами*.

Не последнюю роль в данном афоризме играют образы игр. Игра как таковая в христианстве рассматривается как греховное, языческое начало, что, бесспорно, связано с отношением первых христиан к играм древних римлян, отличавшихся буйством и кровожадностью (ср., например, игру в шутовского короля, широко распространенную в древнем Риме, и библейский сюжет о терновом венце [Колязин 2002: 88-118; Лисовой 2003]). Важно, что в анализируемом афоризме сравнение происходит с

игрой в *шахматы* и в *карты*. В культурологическом плане шахматы как никакая другая игра связана с работой мышления и считается одной из самых интеллектуальных игр, поэтому образ шахмат прочно связывается с разумом человека. Вторая игра, карты, также имеет прочно закрепленную за ней оценку – азартная, в каком-то смысле грязная игра. У лиц духовных карты всегда вызвали крайне отрицательные ассоциации. В частности, такое отношение священнослужителей усугублялось ролью карт в языковой игре семинаристов XIX в., в которой значения отдельных карт носили откровенно богохульный характер [Приемышева 2008: 71-74]. Таким образом, разум сравнивается как с игрой, имеющей в светском обществе элитарное значение (шахматы), так и с игрой, вызывающей определенные негативные коннотации как в светском, так и в религиозном дискурсе. Стоит напомнить, что сама игра, какой бы вид ее ни упоминался, с точки зрения христианства, всегда будет иметь отрицательную трактовку, будет различной лишь степень негативности. Поэтому сравнение с любой игрой демонстрирует отрицательное отношение автора дневниковых записей к разуму и его роли в жизни человека. Интеллект в данном случае, действительно, выступает как начало, несущее опасность для человека, полагающегося на его силу и истинность.

Однако вернемся к исходному положению: в афористике дневников о. Иоанна резкость в противопоставлении разума и сердца, свойственная христианскому дискурсу, снимается. В дневниках священнослужителя обнаружено 7 афоризмов, в которых разум не противопоставляется духовному началу человека и при этом наделяется вполне положительными характеристиками, ср.: *Крепись, призови на помощь всю силу ума и отсекай мечом его дерзкие нападения врага* [Кронштадтский 2002: 428]; *Чтобы знал я, что свет моего разума от Бога, Господь наказывает меня часто помрачением ума* [Кронштадтский 2002: 89]; *Бог вразумляет вас книгою природы; поучайтесь и не будьте сегодня тем, а завтра – другим* [Кронштадтский 2002: 385-386]; *Чем привык ум заниматься, к тому всего легче и обращается* [Кронштадтский 2002: 409]. Первое, на что следует обратить внимание, это отражение в афоризмах идеи того, что разум человека так же, как и душа, от Бога (см.: *Чтобы знал я... и Бог вразумляет вас...*). В одном из афоризмов сказано, что ум человека часто подвержен помрачениям, что, безусловно, можно было бы считать отрицательной характеристикой, если бы не упоминание перед этим того, что разум дается человеку Богом (впрочем, как и помрачения его), благодаря чему снимается негативность этой черты. В афоризме *Чем привык ум заниматься...* снова подчеркивается двойственное отношение о. Иоанна к разуму. Интеллект может помогать человеку, а может и

уводить в сторону от праведной дороги. Однако вина собственно разума сводится к минимуму. В афоризме сказано, что ум легче всего обращается к тому, *чем привык заниматься*, другими словами, чем человек приучил его заниматься, к чему данный индивид имеет склонность.

Бесспорно, в афоризме *Крепись, призови на помощь...* заложена отсылка к самому важному достоинству разума: он может быть помощником в борьбе против темных сил, выступив в роли защитника самого главного в человеке – души. В данном случае интеллект приобретает самодостаточность, которая не позволяет ему считаться чем-то второстепенным для человека даже по отношению к сердцу. В связи с этим уместно обратиться к афоризмам, в которых Иоанн Кронштадтский провозглашает необходимость объединения усилий ума и сердца, а не их противопоставления.

В исследуемых дневниках было обнаружено 5 афоризмов, в которых нашла свое отражение идея единства разума и сердца. Рассмотрим некоторые из них: *Старайся, чтобы молитва, произносимая устами, была делом не одного только ума, но и сердца* [Кронштадтский 2002: 412]; *Да будет око ума твоего всегда устремлено на рассмотрение состояния твоей души* [Кронштадтский 2002: 26]; *Горе, если ум и сердце влачатся только по земле: наказание может постигнуть внезапно* [Кронштадтский 2002: 373]. В первом приведенном афоризме прямо сообщается о необходимости единства духовного и разумного в человеке. В следующем изречении о. Иоанна идея единства обоих выводится из требования к разуму наблюдать за действиями, происходящими в духовной сфере, т.е. налицо необходимость одновременного обращения человека как к душе, так и к разуму. В афоризме *Горе, если ум и сердце...* идея единства подчеркивается соединительным союзом *и*, благодаря которому разум и сердце помещаются на одну ступень.

Список литературы

Калашникова Н.М. Афоризмы: вопросы теории и методики изучения жанра в школе / Н.М. Калашникова. – Ростов-на-Дону : [б.и.], 2003. – 82 с.

Колязин В.Ф. Карнавал в Германии и других немецкоязычных землях [Электрон. ресурс] // Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. – М. : Наука, 2002. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Carnival.html> (дата обращения: 18.03.2012).

Кронштадтский И. Творения. Дневник / Святой праведный Иоанн Кронштадтский. – Т. I : 1856-1858. – Кн. 2. – М. : Отчий дом, 2002. – 496 с.

Лисовой Н. Терновый венец. Транскрипт документального фильма [Электрон. ресурс] / Н. Лисовой, И. Калядин, В. Менделеев // Документальный сериал «Святые христианского мира». Студия «Неофит» московского Данилова монастыря. – ГТРК «Культура», 2003. – Режим доступа:

<http://www.neofit.ru/modules.php?name=cxm&file=displayimage&album=202&pos=-505>
(дата обращения: 18.03.2012).

Приемышева М.Н. Беззаконновахом и неправдовахом... (церковнославянизмы в языковой игре семинаристов XIX в.) / М.Н. Приемышева // Русский язык в школе. – 2008. – № 7. – С. 71-74.